

ДЭНИ АТКИНС

ДЭНИ АТКИНС

*Время
любит*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44
А92

Серия «P.S. С любовью»

Dani Atkins
THIS LOVE

Перевод с английского *Е. Дод*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства Diane Banks Associates Ltd.

Аткинс, Дэни.

А92 **Время любить** : [роман] / Дэни Аткинс ; [перевод с английского Е. Дод]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (P.S. С любовью).

ISBN 978-5-17-113527-0

Софи перестала верить в хеппи-энды еще девочкой — в ту страшную ночь, когда в автокатастрофе погиб ее старший брат. Даже теперь, годы спустя, она одинока и старается свести контакты с окружающим миром к минимуму.

Но все меняется, когда Софи едва не гибнет во время пожара — из пламени ее чудом спасает незнакомец по имени Бен.

Спасает — и делает все возможное, чтобы стать частью ее жизни, а заодно и заново научить Софи простым человеческим радостям, любви и доверию...

И постепенно Софи понимает, что она готова сделать шаг навстречу переменам, но ее продолжает терзать мысль: так ли хорошо она знает Бена и есть ли будущее у их отношений?

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44

ISBN 978-5-17-113527-0

© Dani Atkins, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

*Посвящается Кимберли, которая однажды нашла
в винном баре феникса*

A decorative flourish consisting of a vertical line that curves to the left at the top, ending in a small circle with a dot above it. The line then curves back to the right and down, ending in a small hook.

Пролог

Войти внутрь меня побудила рукописная табличка в окне. Напиши они «Комиссионный» или «Подержанные вещи», я бы и шаг не замедлила. Даже ностальгическое «Винтаж» не помешало бы мне продолжить движение по главной улице. Но они зацепили меня словами «Некогда любимые». Я вышла погулять, не собираясь покупать новую одежду, но слова «Некогда любимые» навели меня на мысль о брошенных домашних питомцах, которым нужны новые и заботливые хозяева. Что-то тревожное было в том, насколько легко привлекла меня табличка в окошке благотворительного магазина, принимая во внимание, как мало денег имелось у меня на счету. Но волноваться было слишком поздно, потому что женщина, которая, низко нагнувшись, что-то делала за прилавком, уже выпрямлялась и поворачивалась ко мне.

— Чем могу служить?

Я улыбнулась и указала на табличку, прикрепленную скотчем к оконному стеклу, — нечеткие, идущие в обратном порядке, но все равно читаемые буквы.

— Некогда любимые дизайнерские платья?

Женщина указала на круглую стойку с одеждой в дальнем углу благотворительного магазина.

— Вы ищете что-то конкретное? Мы только что получили очаровательные вечерние платья.

Я покачала головой, и мои волосы, как чужие, пощекотали шею. Я все еще не привыкла, что они заканчивались здесь, а не спускались до середины спины.

— Вообще-то я ищу простое черное платье.

— Что может сравниться с маленьким черным платьем, — проговорила женщина, заговорщицки постукивая себя по краешку носа, словно мы были членами тайного общества и общались посредством какого-то шифра.

Я вяло улыбнулась и направилась к платьям. Эта часть благотворительного магазина была полностью отдана одежде, и если бы не вывеска над входом, вы подумали бы, что забрели в весьма престижный бутик. Район здесь был небедный, заполненный в основном административными зданиями, молодые матери отличались привлекательностью, а в суровое путешествие с детьми до школы и обратно никто не отправлялся без автомобиля с полным приводом. Даже отвергнутые вещи в благотворительном магазине выглядели амбициозными.

На удивление значительная часть стойки была полностью отдана черным платьям. Вешалки пощелкивали друг о друга, как мел по классной доске, пока я их просматривала. С длинным рукавом, с коротким, зимние и сшитые из роскошной легкой ткани, в которой я узнала чистый шелк. В итоге я нашла четыре платья своего размера и сняла их со стойки. Женщина за прилавком наблюдала за мной со своего поста за кассой.

— Среди них есть дизайнерские, — проговорила она. — Хотите примерить?

— Да, пожалуйста, — ответила я, заходя в маленькую кабинку, отгороженную от остального пространства яркой занавеской из простенького ситца.

Она была не больше туалета в экономклассе самолета, и поэтому стягивание джинсов и джемпера превратилось в довольно-таки непростую процедуру. Попрыгав то на одной, то на другой ноге, пока стаскивала бо-

тинки, я сняла первое платье с плечиков и ступила в черную лужицу ткани. Молния застегнулась легко, хотя я была уверена, что платье окажется мало. Я разгладила ткань на бедрах, размышляя, всегда ли буду испытывать легкое изумление, когда что-нибудь этого размера так хорошо на мне сядет.

Я отдернула цветастую шторку и принялась изучать свое отражение в зеркале в полный рост, для удобства поставленном рядом с примерочной. Продавщица занималась с другой клиенткой, и я получила несколько минут уединения, пока поворачивалась то левым, то правым боком, одергивая и разглаживая на себе платье. В такие моменты я обычно одаривала свое отражение улыбками. *Привет, это я в моем новом платье. Что скажешь?* Однако сегодня это почему-то показалось неуместным.

Я по очереди примерила все платья, ожидая, что ни одно из них не сядет по фигуре так же хорошо и будет так же хорошо смотреться. Взглянула на четыре картонных ценника. Платья были смехотворно дешевы. Даже все вместе они стоили столько, сколько я вполне оправданно предполагала заплатить за одно новое в другом месте. Радуюсь, что со спокойной душой могу считать такую покупку экономией средств, я надела свою одежду и приблизилась к прилавку.

— Что-нибудь подошло? — вежливо осведомилась продавщица.

— Подошли все, — ответила я, — поэтому трудно выбрать что-то одно. Я не ожидала такого богатого выбора.

Женщина подняла голову и оглядела магазин, убеждаясь, что мы одни. Так и было, хотя я не слышала, как ушла предыдущая покупательница.

— Если честно, у нас *никогда* не переводятся черные платья. — Она понизила голос до шепота и чуть ближе наклонилась ко мне. — Многие из них надевали всего раз. Понимаете, люди часто покупают новое платье на

похороны, но почему-то не хотят носить его дальше. — Она резко выпрямилась, словно вдруг сообразила: из-за своих слов она, возможно, только что лишилась покупательницы. — Но я убеждена, что вы не суеверны, — заявила она, как будто могла судить о моем отношении к этому вопросу после нашего пятнадцатиминутного знакомства. — События, куда надевают платья, не могут на них отразиться, а выбрасывать их, надев всего раз, кажется таким расточительством.

Я полезла в сумку за кошельком, порадовавшись, что заглянула в банкомат, пусть даже эти деньги предназначались для закупки продуктов на неделю.

— Вообще-то, с этим у меня нет никаких проблем, потому что я ищу черное платье как раз в связи с таким событием.

— О, для похорон? — спросила женщина, мгновенно принимая серьезный тон. — Сочувствую, дорогая.

Я достала из кошелька две банкноты, спеша уйти, прежде чем она расхрабрится настолько, что пойдет в своих расспросах дальше.

— Какое из них вы возьмете? — спросила продавщица, доставая бывший в употреблении пакет с красовавшимся на нем логотипом высококлассного магазина. Даже пакеты здесь были престижные.

— Все, пожалуйста, — ответила я, кладя деньги на стеклянную поверхность прилавка.

— Все четыре?

— Да, пожалуйста.

За стеклами украшенных «крылышками» очков я видела в ее глазах вопросы. Я угадывала один, задать который ей мешали лишь приличия. *Наверняка же у тебя не четверо похорон? Не может быть. Конечно, нет.*

Интересно, какова была бы ее реакция, если бы я просто утвердительно кивнула. Пришла бы она в ужас от страшной трагедии, которая, видимо, привела к этому, или обвинила бы меня в том, что я плохо забочусь об окружающих меня людях? У меня язык не повернул-

ся бы упрекнуть ее. Четверо похорон — это, действительно, слишком.

В идеальном мире мне никогда не потребовалась бы эта одежда. Скорбь не таилась бы в тени, как преследователь, дожидаясь момента, чтобы окрасить все в серый цвет — снова, и снова, и снова. Возможно, я была излишне пессимистична. Возможно, *ничего* плохого не случится с дорогими мне людьми. Возможно, в этот раз любви будет достаточно, чтобы они оставались со мной.

Или, возможно, настало время, чтобы я наконец-то повзрослела.

Глава 1

Минувшей ночью мне опять приснилось тот пожар. На сей раз я не закричала. На сей раз никто не помчался в панике вниз по лестнице узнать, что случилось. На сей раз я нарушила только свой покой.

Я проснулась, тяжело дыша, завернутая, как буррито, в скомканную, влажную от пота простыню. Взяла часы на прикроватном столике и уже не слишком удивилась — десять минут третьего. Снова. Не один год мое подсознание продолжало будить меня, напоминать о событии, которое абсолютно не нуждалось в напоминании. Я думала, что наконец-то оставила эти воспоминания в прошлом, но начиная с ночи пожара они протискивались обратно в мою жизнь. Они вообще никуда не уходили; они будут со мной всегда, совсем как маленький шрам, оставшийся от ожога. Я повернула руку и в свете луны осмотрела пять сантиметров кожи на внутренней стороне запястья, которые до дня моей смерти всегда будут красными и уплотненными. Не у меня одной по-прежнему оставались отметины той ночи, потому что у него тоже был шрам, практически идентичный моему. Он беспокоил меня гораздо больше моего.

Я больше не зажигаю свечи. Если мне хочется романтической атмосферы, я приглушаю свет. При виде тьмы на Хеллоуин мне всегда будет не по себе, и дело совсем не в отвратительных усмешках или неровно вы-

резанных зубах. Дело в том, что именно с них все и началось... по крайней мере, так сказали следователи, выяснявшие причины того пожара.

Четыре месяца назад

Октябрь

Я удивилась, что меня пригласили на вечеринку. Я побыла там всего двадцать семь минут, а потом, с трудом протискиваясь сквозь толпу набившихся в прихожую людей, добралась до входной двери. Два вампира, один зомби и мужчина, наряженный Мэрилин Монро (представления не имею, почему), — все пытались помешать мне уйти. Но если честно, мне, пожалуй, хватило и первых двух минут. Остальные двадцать пять были данью вежливости.

Хотя нельзя сказать, что я настолько хорошо знала компанию парней, живущих подо мной. Да на самом деле вообще не знала. В смысле, мы обменивались любезными фразами в лифте, вежливо кивали и улыбались, если нам случалось в одно и то же время вынимать почту из ящиков, но я ничего о них не знала, кроме того, что они работают в каком-то месте, где нужно носить костюмы, обожают музыку с низкими частотами бас-гитары, от которых дрожат потолок и стены, и с регулярностью, заставляющей тревожиться за их печень, заполняют бутылками бак для вторсырья в подвале. Я подозревала, что они пригласили меня, только чтобы я не жаловалась на шум вечеринки. Эта компания напоминала мне студентов университета, которые не осознали, что им теперь по двадцать пять и что время вечеринок наконец прошло.

Мои университетские вечеринки закончились десятью годами раньше. Теперь, в тридцать один, я могла оглядываться на те дни с нежностью и ностальгией, че-

го в то время не предполагала. Со временем мои воспоминания приобрели приятную расплывчатость. Самым лучшим, что я вынесла из университета (помимо диплома по современным языкам, что позволяло мне зарабатывать на жизнь переводами), стала моя дружба с Джулией. Думаю, не проходило дня, чтобы я мысленно не благодарила университетского администратора, который случайно поместил нас в смежные комнаты в общежитии для первокурсников. Я мало что помню из речи главы университета в тот первый день, кроме одной фразы, обращенной к переполненной аудитории: в этом зале сидят друзья, и они останутся с вами на всю жизнь. Его расчеты оказались слегка преувеличенными. Я обзавелась всего *одной* подругой, которая, зная я, разделит со мной все, что ждет впереди. Но иногда, даже если она идет по совершенно другому пути, твоя по-настоящему лучшая подруга — это все, что тебе нужно.

В том, что я не вернулась в свой родной город после окончания университета, отчасти была виновата Джулия. Справедливости ради нужно сказать, что меня не пришлось уговаривать остаться в нашем университетском городе и поселиться с ней в одной квартире. Когда я укладывала вещи, снимала со стен прикрепленные скотчем постеры и наконец освободила гардероб, в глубине души уже знала: дом, в котором я выросла, вероятно, никогда уже не будет снова моим постоянным адресом.

Определенно из-за Джулии я не отклонила приглашение на вечеринку в ночь пожара.

— А как еще ты планировала провести субботний вечер?

— Ну, смотреть «Танцы со звездами», — с надеждой проговорила я, что на самом деле казалось мне гораздо более привлекательным, чем наряжаться и вести светские разговоры с незнакомыми людьми.

— Софи Уинтер, ты *никогда* не заведешь новых знакомств, если будешь сидеть и смотреть телевизор. На

будущий год тебе стукнет тридцать два. Ты не слышишь этого оглушительного тиканья? Это твои биологические часы ведут обратный отсчет.

Я с нежностью ее обняла и не стала напоминать, что до моего следующего дня рождения еще одиннадцать месяцев.

— Вообще-то, я не уверена, что слышу что-нибудь за шумом твоих бушующих гормонов, — сказала я, с улыбкой глядя на Ноя, второго ребенка Джулии, который, между прочим, был еще и моим двухмесячным крестником, крепко спавшим рядом с нами в своей плетеной корзине.

Хмыкнув, Джулия согласилась с той удовлетворенной улыбкой, которая будила во мне настоящую бурю эмоций:

— Думаю, я просто настолько счастлива, настолько довольна, что хочу, чтобы и у тебя было все, что есть у меня.

— Ты предлагаешь мне разделить с тобой Гэри? — не удержалась я от шутки. — Ну, ничего себе, ты действительно *настоящая* подруга.

— Нет. Но я не хочу, чтобы ты отказывалась от возможности найти собственного Гэри. Он здесь... где-то. Возможно даже, что он придет на эту вечеринку в субботу.

— Сомневаюсь в этом, — сказала я. — И к твоему сведению, ты ведь знаешь, что человек может быть совершенно счастлив один? Жизнь — это не игра в прятки, в которой тебе приходится искать свою половину, чтобы выиграть.

Джулия улыбнулась и, заправив за ухо длинную прядь каштановых волос, наклонилась, чтобы взять внезапно захныкавшего малыша.

— Но она и не должна стать одиночной игрой, — заметила она, повергнув меня в молчание. — И потом, это не так, верно?

— Что не так? — одними губами произнесла я.